

Простые истины

Татьяна Розина

Простые истины

Игорь Шестков. "Алконост". Библиотека «Литературного европейца».
Франкфурт-на-Майне. 2008.

«Один грамм полония убивает миллион лошадей.

А что делать, если его на твоей родине тонны?

А лошадей больше нет»

(рассказ «Вечер Литвиненко»)

Получив книгу Игоря Шесткова «Алконост», сразу же с интересом начала читать. Игорь для меня знакомый и интересный автор. После прочтения его книги «Африка» (библиотека «Литературного европейца», 2007) осталось ощущение чего-то близкого и к самому автору, и к его прозе. Поэтому сейчас восприняла его новую книгу, как встречу с добрым приятелем. И первый же рассказ подтвердил сложившиеся в памяти ощущения. Рассказ «Стена», как и всё у Шесткова, прочитывается с удовольствием, съедается как вкусный торт с кремowymi розочками. «Вот это класс! Правильно! Точное попадание!» - таковы мои реплики по ходу чтения.

Рассказ о жизни в совке. «Опять», - скажет кто-то. Да, опять. Но снова здорово подмечено, а потому замечательно. Всё, о чём пишет автор, известно

большинству (во всяком случае, большинству читателей ЛЕ). Но многое из того, что витает в подкорке или полукорке твоего сознания, написанное пером Игоря, сконцентрированное в чётких фразах, как бы реализуется из полупродуманных и витающих мыслей в проговорённое и осязаемое.

Многие подумывали о выезде из страны в восьмидесятые. Но как чётко прописал пути-дороги наших мечтаний поры совковости Игорь: «Исконная русская мечта - переехать на юго-запад Москвы, а потом - в Париж, Лондон, Нью-Йорк...»

К этому добавила бы, что это путь москвича, а не москвич сначала мечтал перебраться в Москву - о, как манила нас, провинциалов, столица! Пусть и не на юго-запад. Куда там нам в калашный ряд со свиным-то рылом? Хоть куда, хоть на краешек северо-востока...

Или дальше. В военкомате, взволнованные перестановками в связи с прилётом Руста на Красную площадь, новобранца Шесткова посылают: «Пошёл к ебеной матери!» и автор Шестков этой формулировкой обозначает напутствие родины вообще. И опять-таки как точно подмечено. Ведь именно такой простой фразой нас всех и посылали. Кого-то громко и прямо, как Шесткова, кого-то иносказательно, намёком, но, по сути, туда же. И мы, что удивительно, шли.

Много рассуждает Игорь о том, почему мы так жили? Волнует этот вопрос и меня. Ходят мысли-образы по кругу. Вроде всё ясно, ан, нет... ни черта неясно. Почему терпели и ели, то, что подавали нам наши партайгенносы? Почему верили, несмотря на откровенную ложь, несмотря на то, что «факты очевидно опровергали пропаганду?» Во всём НИИ, где работал Игорь, один только он и не поверил, что корейский Боинг, который сбили доблестные советские воины, погубив две с половиной сотни невинных людей, не выполнял шпионское задание. Всеобщая слепота при такой же всеобщей глухоте! Это заболевание и называется совковость.

Как жили мы? Все всё знают. Но снова и снова, вспоминая, диву даюсь. Недавно рассказывала выросшей в Германии дочери, как спешили на работу, атакуя

переполненные автобусы, а когда удавалось взять транспорт на бордаж, ехали в них «зажатые как кусок жира в колбасе со всех сторон пассажирами...» (рассказ «Стена»). Боясь на минуту опоздать, залетали в учреждения, а потом... наводили марафет, красили ресницы, завтракали, читали, трепались, просто ничего не делали... И дочь моя сказала: «Да об этом надо писать!» И вот Игорь - как услышал призыв - написал и по сему поводу: «Среди моих коллег были мастера ничегонеделанья, достигшие в этом ежедневно практикуемом ремесле совершенства. Один, например, научился спать с открытыми глазами, а другая - читать, делая вид, что печатает на машинке». Просто и нормально? Да, для нас того времени - да. Мы жили так и ничуть этому не удивлялись. А чего удивляться, коли все так живут. Не могут же все быть сумасшедшими. Сегодня, вспоминая случаи из своей собственной жизни или читая Шесткова, думаю: а как же с головой-то было? Казалось, здоровы. А оно вон как... больны. Жили, как в сумасшедшем доме, а думали, что живём в правовом и демократическом обществе. А всё потому, что в голове была стена...

Вот что пишет Игорь Шестков по этому поводу: «Из-за непрекращающегося давления советской системы на человека в его сознании образовалась стена. Она отделяла официальную жизнь от частной. Сооружена стена была из крепчайшего, крепче алмаза, материала - из страхов и ужасов. В ней не было пропускных пунктов». Ставит писатель Шестков диагноз. И нам, читателям, разъясняет причину патологии. А мы, свидетели того, о чём он пишет, знающие обо всём не понаслышке, расставляем с его помощью все точки и точечки над «и» и прочими буквами нашей совковости.

Книга «Алконост», в некотором роде, хрестоматия совковой действительности. Автор не только ставит диагноз совковости, но и подробно из рассказа в рассказ яркими мазками раскрашивает различные ипостаси той жизни. Жизни разорванной на две части - на официальную и частную. На жизнь созданную большим воображением советских идеологов, придуманную и нарисованную на плакатах-агитках, с которых на нас смотрят чистенькие, аккуратно подстриженные лица, улыбчивые и готовые к победам коммунистического

труда. И жизнь, как выразился Игорь Шестков, частную - настоящую, непричёсанную, со всеми её нарывами и гнойниками. Именно так и оформлена книга - рассказы Шесткова проиллюстрированы плакатами советского образца.

Рассказ «Коля и Петя» - зарисовка о детях. Два мальчишки, не зная чем заняться, начинают играть - стегают друг дружку прутиком. С силой по почкам. С яростью по лицу. Игра такая. Простых советских детишек. Нахлеставшись, они снова садятся на скамеечку.

Под ногами копошатся муравьи. От нечего делать мальчик разоряет выстроенные муравьями домики, а когда насекомые в панике рассыпаются в стороны, давит их подошвой ботинок. На странице плакат - два мальчика в белых рубашечках запускают в небо самолетики. Они мечтают быть лётчиками. Да уж... вот вам и две жизни. Глянцевой, как нынче принято говорить, и реальной, шершавой и неприглядной. Но настоящей советской... С плакатов - «счастливое детство», в реальности... читайте рассказы Шесткова.

Но читатель увидит не только советские будни семидесятых. Рассуждает автор и о дне сегодняшнем, впрочем, он неотрывен (и не отделим) от совковых времён. Ведь мало, что изменилось в стране берёзового ситца. Кто виноват, в том что было? Виноваты «не одни только гебисты и коммуняки. Они были молотом, а наковальной были мы. И сегодня - все виноваты в том, что происходит... Не понимаю всеядности и равнодушия русского народа. Его грабят, ставят на карачки, ему ампутируют ноги и яйца, а он всё пьёт, и друг другу почки отбивает, вместо того, чтобы сбросить хунту и выбрать во власть достойных людей... Может всё наоборот? Иванов - не спирохета, Путин - не крыса, а Медведев - не гнойный карлик, а наоборот - достойные представители русского народа? А Иван ложится под путинскую вертикаль, как прежде, под розги - с удовольствием» («Письма и записи»). Сильно. Откровенно. Без оглядки.

Почти со всем, о чём пишет Шестков, о чём рассуждает и что утверждает, хочется согласиться. Только добавлю... а чего, Игорь, удивляться всеядности? Народ такой. Вы правы - ляжет под любого. Какая там демократия? Какие

выборы достойного? О чём вы? Русскому народу Хозяин нужен. Недаром по свежим данным соцопроса героем России современные россияне называют Сталина. Вы удивлены? Я - нет.

В книге Игоря Шесткова «Алконост» семнадцать рассказов. Если писать о каждом, получится немало. Нет смысла это делать. Рассказы можно пересказать. Но чтобы получить удовольствие от сочной и образной прозы автора, книгу необходимо прочесть самому. Живой язык, юмор, ирония, точные выводы, подмеченные мелочи - всё это вас ждёт на страницах книги «Алконост».